

Он едва не выхватил меч, но талисман на лбу заставил его замереть. Его хмурое выражение сменилось удивлением, и он широко открыл рот, глядя на Бай Иня. Бай Инь пристально смотрел на него, и Линь Юньшэнь понял, что паниковать не стоит. Он был живым человеком, а не призраком или монстром, и несколько талисманов не могли ему навредить. Но... неужели Бай Инь теперь тоже связан с Сюаньмэнь?

Сейчас при дворе были в моде даосские практики, и политика тесно переплеталась с ними, поэтому знатные семьи тоже отправляли своих детей изучать Сюаньмэнь. Однако традиционно «старший сын наследует власть, а младший идет в Сюаньмэнь». В семье Бай этим должен был заниматься младший сын, Бай Хэ, а Бай Инь всегда готовился к карьере чиновника. Он всегда презирал даосские практики.

Но прежде чем он успел что-то сказать, он услышал тонкий, едва уловимый крик, похожий на голос призрака. Сердце его сжалось, и он почувствовал, как две тощие руки обвивают его шею. Затем он почувствовал легкость, и талисман соскользнул с его лба, мгновенно вспыхнув. Он сидел на стене, ошеломленный.

Его захватил призрак!

Захват призраком бывает двух видов: иногда призрак вселяется в человека, и тот чувствует ледяной холод, а призрак следует за ним, пока человек не умрет. Другой вид — это когда призрак «несет» человека, что не убивает, но ослабляет жизненную энергию. Неудивительно, что он вдруг почувствовал холод. Сейчас его силы были почти на нуле, и он, великий мастер демонических практик, даже не заметил, что его захватил призрак!

— От тебя сильно пахнет кровью, — сказал Бай Инь. — Ты же практикующий, разве не почувствовал, что после того, как тебя нацепил призрак-всадник, тело стало тяжелым?

Линь Юньшэнь потрогал меч на спине и покачал головой:

— Я думал, это из-за тяжести меча.

Бай Инь посмотрел на его меч. Это был ценный клинок, и Бай Инь, будучи знатоком, слегка удивился, а затем взглянул на Линь Юньшэня. Тот знал, о чем он думал: как такой неумелый даос мог носить такой великолепный Мистический меч.

Он кашлянул и усмехнулся:

— Подарок наставника.

— А кто твой наставник?

Любой, кто занимается даосскими практиками, должен принадлежать к какой-то школе, даже если он не из знатной семьи. Бай Инь не был глупцом, и солгать ему полностью было бы сложно, поэтому Линь Юньшэнь сказал полуправду:

— Я из школы Хань в Чанчжоу, но я не из семьи Хань. Меня зовут Ян Люи, я никто. Мой наставник — вольный заклинатель, а меч — семейная реликвия.

Сейчас большинство учеников Сюаньмэнь происходили из семей Лу и Хань, но были и те, кто не принадлежал ни к одной школе, называясь вольными заклинателями.

Вольные заклинатели делились на два типа: одни были обычными людьми, самостоятельно

изучившими практики, а другие происходили из знатных семей.

Из-за популярности даосизма при дворе, знатные семьи тоже отправляли своих детей изучать Сюаньмэнь, причем обычно это был кто-то из младших сыновей. Они учились у мастеров из семей Лу и Хань, но не вступали в их школы, а служили своим семьям. Таких называли вольными заклинателями.

Семья Бай владела множеством сокровищ, например, Веревкой, связывающей бессмертных, и бау, которые собирались их вольными заклинателями. Помимо семей Лу и Хань, только такие знатные семьи могли обладать такими реликвиями.

Бай Инь еще в юности был выше его, а теперь, сидя на стене, он был лишь чуть выше. Бай Инь, казалось, изучал его, и Линь Юньшэнь усмехнулся, хотя внутри он нервничал. По его расчетам, Бай Инь не должен был его узнать.

Он сам не понимал, как оказался в теле человека, с которым не был связан.

Практикующие могли захватывать тела других, что называлось «захватом тела», но это было злой практикой, осуждаемой праведниками. Такие, как Бай Инь, вероятно, только слышали об этом, но не углублялись в детали. А как он сам смог захватить тело, он не помнил.

Захват тела требовал не только силы, но и множества условий: правильного времени, места и обстоятельств. Захват чужого тела ради продления жизни противоречил принципам даосских практик и был крайне вредным. Не только захватчик, но и все участники могли пострадать, вплоть до смерти. Если бы захват был доступен всем, мир погрузился бы в хаос. Хотя он изучал злые практики, он никогда не планировал захватывать чужое тело. Как он оказался в этом теле, он не мог понять.

Самое главное, что раньше он был красавцем, а теперь его тело было обычным, лишь с легкой долей обаяния в уголках глаз. Кроме того, раньше он был старше Бай Иня, а теперь стал моложе, превратившись в юнца, а Бай Иню было уже за тридцать. Однако в этом была и польза: его невинность могла казаться более убедительной, и Бай Инь больше не мог называть его стариком.

В этой странной атмосфере снаружи кто-то крикнул:

— Дядя!

— Тебя зовут, — сказал Линь Юньшэнь. — У призрака-самоеда сильная зловещая аура, им не справиться. Ступай, брат, посмотри скорее.

Забота о других была важна, и Бай Инь не стал медлить. Линь Юньшэнь, сидя на стене, чувствовал, как сердце его бешено колотится. Он оглянулся назад, но в темноте ничего не было видно, лишь холодный ветер заставлял его дрожать. Он вспомнил призрака на своей спине и поспешил спуститься со стены. Возможно, он был близок к смерти, раз даже слабый призрак мог на него напасть. Ему нужно было срочно восстановить свои силы, иначе он станет легкой добычей.

Спустившись со стены, он открыл свой мешок и, убедившись, что никто не смотрит, достал фонарь.

Это был ночной фонарь, который отпугивал призраков и освещал путь. Он создал его сам. Когда он учил учеников на горе Цанцин, там было много лесов, и призраки часто беспокоили

их. Обычные фонари не всегда помогали, поэтому он создал этот, используя духовную энергию.

Он прикрепил талисман к фонарю, и тот засветился мягким серебряным светом. С фонарем в руке он быстро пошел по тропинке. Неужели, сменив тело, призраки горы Цанцин больше его не узнают? Раньше они были его слугами.

Прошло около часа, луна и звезды исчезли, и вокруг стало совершенно темно. Ветер стих, и Линь Юньшэнь остановился, услышав шаги позади себя. Фонарь на мгновение погас. Он нахмурился, но больше ничего не услышал, лишь временами доносилось стрекотание насекомых. Он прошел еще несколько шагов, и шаги снова зазвучали. Лицо Линь Юньшэня стало мрачным, и он усмехнулся, резко повернувшись с фонарем в руке. Перед ним оказалось ужасное лицо.

Желтые волосы, отвратительные черты — это был призрак Чай.

Призрак Чай был еще более злобным, чем призрак-самоед. Это был призрак ядовитого насекомого, который мог убить человека, превратив его в лужу крови. Когда-то на Пир Сотни Призраков он использовал таких. Эти призраки были редкими, но был ли это тот самый, он не знал.

<http://bllate.org/book/16677/1530210>